

28

2 ДЕК 1987

ВОСТОЧНО-СИБИРСКИЙ ПРАВДА ИРКУТСК

«Слабая звезда Альбор, находящаяся рядом со средней звездой ручки южного Большой Медведицы, с древних времен стала эталоном определения у человека нормального зрения. Подсчитано, что человек, видящий звезду Альбор, может наблюдать в безоблачную ночь свыше двух тысяч звезд — фантастическое зрелище.»

(Из «Астрономического справочника» В. Цибульского, профессора, доктора географических наук).
«Завершается легкоатлетический сезон, вошедший в историю спорта, как «Год легкой атлетики». Между народной любительской легкоатлетической федерацией (ИААФ) использовала это название, чтобы отметить 75-летний юбилей в ходе чемпионата мира в Риме. Однако для легкоатлетов планеты этот год оказался особенным и по другой причине: никогда еще им не приходилось выступать в таком большом количестве официальных соревнований.»
(Из «Послесью» к сезону легкоатлетов». Газета «Правда» за 16 ноября 1987 года).

1.
«Верткий котенок, совсем еще детеныш-несмышленик и потому непоседа из непосед, сгруппировался, прицелился и прыгнул на прикроватный коврик, — там на голубой ленте заманчиво качнулась и снова «затаилась» снятая по моей просьбе тяжелая бронзовая медаль.»

Разные спортивные награды приходилось держать в руках, в том числе и золотой олимпийский кругляш нашей землячки Татьяны Гойщик, который она, еще не остывшая от триумфальной победы, принесла похвастаться в редакцию новостей областного радио сразу по возвращении с XXII Игр. Знаком я и со знаменитой коллекцией чемпионских отличий международного достоинства, собранных Николаем Сергеевичем Митаво, хорошо известного сибирским ветеранам спорта 50—60-х годов. Но медалей, сродни той, которую я только что «баюкал» на ладони в одной из комнат общежития по улице Рабочего Штаба, 36, не выдával сроду, хотя на ее лицевой стороне стоят не такие уж вроде бы диковинные слова: «Чемпионат Европы. 1987. Москва. III место». Вроде бы...

Не стану раскрывать все карты сразу и некоторое время потомлю читателя неизвестностью — ради попытки заставить его дочитать эти пятьсот строк до конца. И только тот, кто слышал что-нибудь про двадцатидвухлетнюю Таню Кошурникову, поймет, в чем дело, и простит автору эту маленькую, но честную интригу.

Продолжая затеянную игру, хочу спросить читателя, считает ли он чудом природы каплю воды, жемчужную стрелку стренозы, березовый лист или раковинку речного моллюска? Поражается ли совершенством паутины, усыпанной блестящими утренней росы, или загадочным свойством подсолнуха, поворачивающего свой цветок вслед за солнцем? Попадает ли в поле его зрения душистая поэзия из облетевших черемуховых лепестков? И неожиданный рождок в теплом и сладком сентябрьском лесу — тоже, попадает ли, чтобы оставить о себе памятную радость?

Ответы на эти простые вопросы помогут лучше и... прочнее понять состояние души, нет, суть характера Тани Кошурниковой, писать о которой берусь не без робости и опасений — как бы не умалить истины или не допустить ее преувеличения, потому что рассказ о ней в привычные журналистские замыслы не уместается. И если очерк будет опубликован, то мне, впервые за три десятка лет, придется само-

му читать его своей героине. Да, Таня слепа, слепа абсолютно и, если верить заключениям врачей, бесповоротно. Потому на оборотной стороне той самой бронзовой и тяжелой медали слова «Чемпионат Европы. 1987. Москва. III место» повторены еще раз, но только уже по Брайллю, в 1825 году создавшему для незрячих спасительный шеститочечный шрифт.

Когда интересы команды требуют, Таня берет в руки ядро или выходит к прыжковой яме, бежит и 200 метров и 400, но ее «коронка» — стометровка. За нее и медаль.

2.
«...Улица Рабочего Штаба. Иркутское учебно-производственное предприятие Всероссийского общества слепых. Помещения для работы и остальной жизни, внешне ничем не отличимые от привычных: тот же самый традиционно бордовый кирпич, те же самые этажи с такими же самыми окнами... Но стоит открыть дверь, переступить легкий, какой-то стеснительный порожек, как сразу же чувствуешь и видишь непривычность. Нет лозунгов. Нет висят портреты передовиков. Сюда не приходят распространители театральные билеты, Стороной обходят эти дома подписывающие на периодическую «Союзпечати». Наконец, здесь не бывают и журналисты. А о чем и что писать? Душещипательную статью под названием «Через тернии — к победам? Да и к каким победам?»

Но на поверку вдруг оказывается, что победы-то есть! Впрочем, есть даже и один настенный стенд. Стендик. Вот он, на голой стене, одинокий, как парус: «Ударники коммунистического труда». И фамилии. Много фамилий, разделенных производственными названиями: картонажное отделение, радиоотделение, отделение сшивки, обработка корпуса резистора, отделение сборки...
Я уже знаю, что Таня Кошурникова «обрабатывает корпус резисторов» — детали к цветным телевизорам. Еще знаю, что слепые вынуждены быть более доверчивыми, чем все остальные. Что — по подсказке из энциклопедии — «зрительные анализаторы являются самыми тонкими и совершенными по сравнению с другими; не случайно зрение играет важнейшую роль в процессе познания человеком внешнего мира». Еще мне было известно, как одна из девушек в общежитии до слез спорила о том, что знаменитый романс

имеют так и звучит, как попевает она — Я вижу вас, и все было...
В общем, не густо. Сведения по не-веселой ВОСовской* теме, как говорится, не обременяли. Да! Ну конечно же память напомнила и про Бедржиха Сметану и про Людвиг ван Бетховена, продолжавших сочинять свои шедевры вопреки полной глухоте, попытавшейся поразить почему-то именно их талант. Но это напоминание было почти что из другой оперы: там, — хотя и герои из серии про самых замечательных людей, но книжно-далекие, из исторической мглы, а здесь, — своя иркутская кровинка, землячка, живущая, работающая и бегущая к своему сверхтрудному счастью сквозь непроглядную, многолетнюю темень...
...Пунктирно прикасаясь к стене, по коридору шел человек. На лице — уже чуточку знакомое, общее для многих выражение покорной невзмутимости.
— Скажите, а где работает Кошурникова?
— Здравствуйте. Держитесь за меня.
— Здравствуйте. И еще вопрос. В Танином отделении все... не видят... совершенно?
— Кое-кто видит, но очень слабо. Очень. Сейчас вы станете для них... пу-

...Сию за столом в общежитской комнате на трех жильцов. На нем в теплую пору обязательно должен стоять букетик фиалок или незабудок, и обязательно — в граненом стакане, да так, чтобы они утопали в нем, удерживаясь лишь краями листиков да крылышками лепестков. Не жарки, не пынотелая черемуха, не жирные гладиолусы, а только тихие и скромные незабудки... Над столом — книжная полка, забавно вязаная игрушка и зеркало (девушка ведь живет!).
Таня, «глядя» чуть-чуть вбок и постоянно улыбаясь от приятных воспоминаний, рассказывает обстоятельно, не торопясь.
— Соревнования проходили в сентябре, с 10-го по 16-е, на Центральном стадионе имени Ленина, а пловцы мерились силами в бассейне спорткомплекса «Олимпийский». Всего в чемпионате Европы участвовали команды из 21-й страны. Вы знаете, что такое ИБСА? Это Международная спортивная ассоциация слепых. Вот под ее эгидой и проходили эти соревнования, пять по счету. Предыдущие были в ФРГ, Болгарии, Италии и Швеции. Наша сборная легкоатлетов по числу завоеванных медалей вышла на первое место, а пловцы попали в тройку призеров... Какое время показала я? 14.82 секунды. Злилась страшно, ведь дома-то показывала 14 секунд ровно! Сама себе проиграла... На втором месте оказалась Тамара Панькова из Ростова-на-Дону, у нее 13.82, а на первом — испанка Санта-Мария Пурификасон; она показала 13.74 секунды. Но рекорд, который до сих пор никто не может побить, принадлежит все-таки нам: 12.66! В конце 60-х годов его установила москвичка Этери Кахова... Нет, нет, именно Этери, такие уж у нее имя и фамилия. Сейчас ей уже... — Таня чуть откидывает голову, шевелит губами и быстро загибает пальцы, — ...да, уже 46 лет. А рекорд все стоит!

Честное слово, все эти фамилии и цифры Таня приводит на память, не заглядывая ни в какие записные книжки, — их у нее попросту нет. Но не ее профессиональная память, помогающая четырем чувствам (вместо наших пяти) удивляет и мучает меня, а мучает и удивляет то, что уже давно породило остроумный вопрос: КАКИМ образом может бегать стреловидную стометровку человек, который не только лишен возможности видеть хотя бы очертания предметов, но и светоощущения ему не под силу? КАКИМ!
Я не могу перебороть себя, забываю

— Восемь тысяч триста. Штук. Таня же делает десять тысяч. Иногда одиннадцатая. Целый куль. А вы ей кто?

Близкое чоканье замерло на полу-воздохе, руки прекратили свой эстафетный бег, — «Так кто же?»

— Я из газеты. Из «Восточно-Сибирской правды». Хочу написать про Танины рекорды...

— Я сбегала за ней! Тут совсем рядом! По переходу четыре минуты туда и четыре — обратно! Ладно?

— Нет... не надо. Лучше передайте Тане, что я приду завтра. В это же самое время.

«На сегодня... вроде бы... хватит», — неожиданно решаю под враз ударившее чоканье.

На дворе пасмурно, зябко и неуютно, — снег уже начинает набирать отенки вездесущей иркутской копоти. Но так мне казалось, когда я входил в учебно-производственную усадьбу по улице Рабочего Штаба, 36. Теперь же, оказывается, какая это душевная приятность — видеть зимнюю серость, скользнуть по ней, замечать голубые обертки от мороженого...
3.

...Сию за столом в общежитской комнате на трех жильцов. На нем в теплую пору обязательно должен стоять букетик фиалок или незабудок, и обязательно — в граненом стакане, да так, чтобы они утопали в нем, удерживаясь лишь краями листиков да крылышками лепестков. Не жарки, не пынотелая черемуха, не жирные гладиолусы, а только тихие и скромные незабудки... Над столом — книжная полка, забавно вязаная игрушка и зеркало (девушка ведь живет!).
Таня, «глядя» чуть-чуть вбок и постоянно улыбаясь от приятных воспоминаний, рассказывает обстоятельно, не торопясь.
— Соревнования проходили в сентябре, с 10-го по 16-е, на Центральном стадионе имени Ленина, а пловцы мерились силами в бассейне спорткомплекса «Олимпийский». Всего в чемпионате Европы участвовали команды из 21-й страны. Вы знаете, что такое ИБСА? Это Международная спортивная ассоциация слепых. Вот под ее эгидой и проходили эти соревнования, пять по счету. Предыдущие были в ФРГ, Болгарии, Италии и Швеции. Наша сборная легкоатлетов по числу завоеванных медалей вышла на первое место, а пловцы попали в тройку призеров... Какое время показала я? 14.82 секунды. Злилась страшно, ведь дома-то показывала 14 секунд ровно! Сама себе проиграла... На втором месте оказалась Тамара Панькова из Ростова-на-Дону, у нее 13.82, а на первом — испанка Санта-Мария Пурификасон; она показала 13.74 секунды. Но рекорд, который до сих пор никто не может побить, принадлежит все-таки нам: 12.66! В конце 60-х годов его установила москвичка Этери Кахова... Нет, нет, именно Этери, такие уж у нее имя и фамилия. Сейчас ей уже... — Таня чуть откидывает голову, шевелит губами и быстро загибает пальцы, — ...да, уже 46 лет. А рекорд все стоит!

4.
Обостренное Танино чутье я уловил в середине нашего разговора. Стоило начать что-то записывать, как она сразу же умолкала. Но как только отрывал ручку от бумаги, Таня продолжала снова. Она запросто угадала и мое мимолетное желание запомнить или записать детали ее словесного портрета, который я только-только начал на блокнотном «холсте».
— Ага, шрамик над бровью заметили?
— Заметил.
— Это память об одной из тренировок. Я занимаюсь у Владимира Александровича Протасова, в школе-интернате, что по улице Нестерова. Школа П-образная. По этой букве «П» мы и бегали. Боквины у нее по 30 метров, перекладина — 60. Я однажды так разогналась, что в выраж не вписалась. А «вписалась» в стену. Три шва накладывали. Но — ничего. Говорят, почти незаметно. Правда, ведь?
Я говорю, что «правда», говорю, а сам думаю, что спорту, как тучному урожаю или хорошему настроению, нужны условия. Неужели для того, чтобы они появились, кому-то нужно не прозреть, а наоборот, уподобиться Луи Брайлю, ослепнувшему в три года и тем самым почувствовавшему и сохранившему импульс к созданию точечной азбуки? Обидно... Но тут Таня вновь удивляет!

— А у меня это случилось в четыре года. Я сидела на кровати, спиной к окну, играла с куклой. Вдруг заходит мама и: — Пожа-а-а-а! — Я повернулась к окну, а оно все красное. Дом горел через дорогу. Уже падала крыша, черная и страшная. Хозяев в доме не было. Была только собака на цепи. Так вместе с конурой она и сгорела. С того дня все и началось... Вот и отбегала я с пацанами по лугу; у меня ведь лю-

бью к скорости с детства...
— Луг тот помнишь?
— И луг помню, и...
— А какой цвет у синички?
— Не помню... не знаю...
— Ну, а одуванчик не забыла? Представляешь?
— А как же! Конечно! — и ее губы непроизвольно сложились в трубочку.
— Таня, а как выглядит Байкал, можешь сказать?
— Могу. Я ведь на нем два раза была. На пик Черского поднималась. И все берега Байкала руками ощупала. Он такой...
— Постою, как — руками?
— А у нас карта есть. Рельефная. Почти как по Брайлю. Там и Байкал... Он темносиний... Но камешки на дне все равно видны... И монетки тоже...
— А про писателя Распутина слышала?
— Я его «Живи и помни» от корки до корки прочтала! По Брайлю, конечно. Это все, что у нас в библиотеке есть... Хотите, вам что-нибудь прочитаю? Только у меня сейчас один Шекспир... Хотите?
— Тогда... открой наугад.
— Только учтите, я читаю неправильно. Одним пальцем. А надо четырьмя, чтобы не сбиться. Ну, слушайте...
...Мне показалось, что была зима. Когда тебя не видел я, мой друг. Точка. Какой мороз стоял, какая тьма, Какой пустой декабрь царил вокруг.
Восклицательный знак.
За это время лето пролетело И уступило осени права. Точка. И осень шла, и тело тяжелело. Тире. Оставшаяся на сносях вдова...
Многоточие.
Танин палец пробежал дальше, так же быстро определил: — 97-й сонет... Издательство 1983 года, Москва, печатается по изданию Самуила Маршака «Избранные переводы»...
— Спасибо. Читаешь, как чемпионка. А пишешь?
— Пишу, как все, — по Габальду. Видите алюминиевую дощечку с отверстиями? Это и есть Габальд... Сейчас, наверное, попросите что-нибудь написать?
— Обязательно попрошу!
— Ладно. Только что же? Про Сеул я вам писать не буду...
— А при чем тут Сеул?
— Так на будущий год в нем — Олимпийские игры!
— Но, Таня, они ведь... для...
— Как только закончатся Игры для зрячих, почти сразу же, всего через неделю, на том же самом стадионе начинается Олимпиада для инвалидов по зрению!
— Не говори так... А лучше напиши по...
— Ге-баль-ду!

...А у меня это случилось в четыре года. Я сидела на кровати, спиной к окну, играла с куклой. Вдруг заходит мама и: — Пожа-а-а-а! — Я повернулась к окну, а оно все красное. Дом горел через дорогу. Уже падала крыша, черная и страшная. Хозяев в доме не было. Была только собака на цепи. Так вместе с конурой она и сгорела. С того дня все и началось... Вот и отбегала я с пацанами по лугу; у меня ведь лю-

бью к скорости с детства...
— Луг тот помнишь?
— И луг помню, и...
— А какой цвет у синички?
— Не помню... не знаю...
— Ну, а одуванчик не забыла? Представляешь?
— А как же! Конечно! — и ее губы непроизвольно сложились в трубочку.
— Таня, а как выглядит Байкал, можешь сказать?
— Могу. Я ведь на нем два раза была. На пик Черского поднималась. И все берега Байкала руками ощупала. Он такой...
— Постою, как — руками?
— А у нас карта есть. Рельефная. Почти как по Брайлю. Там и Байкал... Он темносиний... Но камешки на дне все равно видны... И монетки тоже...
— А про писателя Распутина слышала?
— Я его «Живи и помни» от корки до корки прочтала! По Брайлю, конечно. Это все, что у нас в библиотеке есть... Хотите, вам что-нибудь прочитаю? Только у меня сейчас один Шекспир... Хотите?
— Тогда... открой наугад.
— Только учтите, я читаю неправильно. Одним пальцем. А надо четырьмя, чтобы не сбиться. Ну, слушайте...
...Мне показалось, что была зима. Когда тебя не видел я, мой друг. Точка. Какой мороз стоял, какая тьма, Какой пустой декабрь царил вокруг.
Восклицательный знак.
За это время лето пролетело И уступило осени права. Точка. И осень шла, и тело тяжелело. Тире. Оставшаяся на сносях вдова...
Многоточие.

Танин палец пробежал дальше, так же быстро определил: — 97-й сонет... Издательство 1983 года, Москва, печатается по изданию Самуила Маршака «Избранные переводы»...
— Спасибо. Читаешь, как чемпионка. А пишешь?
— Пишу, как все, — по Габальду. Видите алюминиевую дощечку с отверстиями? Это и есть Габальд... Сейчас, наверное, попросите что-нибудь написать?
— Обязательно попрошу!
— Ладно. Только что же? Про Сеул я вам писать не буду...
— А при чем тут Сеул?
— Так на будущий год в нем — Олимпийские игры!
— Но, Таня, они ведь... для...
— Как только закончатся Игры для зрячих, почти сразу же, всего через неделю, на том же самом стадионе начинается Олимпиада для инвалидов по зрению!
— Не говори так... А лучше напиши по...
— Ге-баль-ду!

...А у меня это случилось в четыре года. Я сидела на кровати, спиной к окну, играла с куклой. Вдруг заходит мама и: — Пожа-а-а-а! — Я повернулась к окну, а оно все красное. Дом горел через дорогу. Уже падала крыша, черная и страшная. Хозяев в доме не было. Была только собака на цепи. Так вместе с конурой она и сгорела. С того дня все и началось... Вот и отбегала я с пацанами по лугу; у меня ведь лю-

бью к скорости с детства...
— Луг тот помнишь?
— И луг помню, и...
— А какой цвет у синички?
— Не помню... не знаю...
— Ну, а одуванчик не забыла? Представляешь?
— А как же! Конечно! — и ее губы непроизвольно сложились в трубочку.
— Таня, а как выглядит Байкал, можешь сказать?
— Могу. Я ведь на нем два раза была. На пик Черского поднималась. И все берега Байкала руками ощупала. Он такой...
— Постою, как — руками?
— А у нас карта есть. Рельефная. Почти как по Брайлю. Там и Байкал... Он темносиний... Но камешки на дне все равно видны... И монетки тоже...
— А про писателя Распутина слышала?
— Я его «Живи и помни» от корки до корки прочтала! По Брайлю, конечно. Это все, что у нас в библиотеке есть... Хотите, вам что-нибудь прочитаю? Только у меня сейчас один Шекспир... Хотите?
— Тогда... открой наугад.
— Только учтите, я читаю неправильно. Одним пальцем. А надо четырьмя, чтобы не сбиться. Ну, слушайте...
...Мне показалось, что была зима. Когда тебя не видел я, мой друг. Точка. Какой мороз стоял, какая тьма, Какой пустой декабрь царил вокруг.
Восклицательный знак.
За это время лето пролетело И уступило осени права. Точка. И осень шла, и тело тяжелело. Тире. Оставшаяся на сносях вдова...
Многоточие.

Танин палец пробежал дальше, так же быстро определил: — 97-й сонет... Издательство 1983 года, Москва, печатается по изданию Самуила Маршака «Избранные переводы»...
— Спасибо. Читаешь, как чемпионка. А пишешь?
— Пишу, как все, — по Габальду. Видите алюминиевую дощечку с отверстиями? Это и есть Габальд... Сейчас, наверное, попросите что-нибудь написать?
— Обязательно попрошу!
— Ладно. Только что же? Про Сеул я вам писать не буду...
— А при чем тут Сеул?
— Так на будущий год в нем — Олимпийские игры!
— Но, Таня, они ведь... для...
— Как только закончатся Игры для зрячих, почти сразу же, всего через неделю, на том же самом стадионе начинается Олимпиада для инвалидов по зрению!
— Не говори так... А лучше напиши по...
— Ге-баль-ду!

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

ЭТО ДЕЯТЕЛЬНО ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ. ТОЛЬКО НЕ В ТОМ ПРИВЫЧНОМ, СРАЗУ НАПРАШИВАЮЩЕМся ВАРИАНТЕ. НО ТАКАЯ ЖЕ САМОЗАБВЕННАЯ, ЧИСТАЯ, ДОСТОЙНАЯ УДИВЛЕНИЯ И ПОДРАЖАНИЯ.

вающие на периодическую «Союзпечати». Наконец, здесь не бывают и журналисты. А о чем и что писать? Душещипательную статью под названием «Через тернии — к победам? Да и к каким победам?»
Но на поверку вдруг оказывается, что победы-то есть! Впрочем, есть даже и один настенный стенд. Стендик. Вот он, на голой стене, одинокий, как парус: «Ударники коммунистического труда». И фамилии. Много фамилий, разделенных производственными названиями: картонажное отделение, радиоотделение, отделение сшивки, обработка корпуса резистора, отделение сборки...
Я уже знаю, что Таня Кошурникова «обрабатывает корпус резисторов» — детали к цветным телевизорам. Еще знаю, что слепые вынуждены быть более доверчивыми, чем все остальные. Что — по подсказке из энциклопедии — «зрительные анализаторы являются самыми тонкими и совершенными по сравнению с другими; не случайно зрение играет важнейшую роль в процессе познания человеком внешнего мира». Еще мне было известно, как одна из девушек в общежитии до слез спорила о том, что знаменитый романс

шистым, розовым и расплывчатым. Как в густом тумане. Туман ведь бывает густой.

— Бывает.
— Вот здесь. Проходите.

...Тридцать станков мерно чокали в складном разнобое. Тридцать рук наощупь брали из россыпи черных кружков один, находили на его зубчатой поверхности знакомый выступ, укладывали деталь в гнездо станка-полуавтомата так, чтобы выступ приходился точно на цифру 12, если вообразить перед собой часовой циферблат, нога нажимала на педаль, и шесть — раз и навсегда — нацеленных сверл мгновенно — чо-ок! — пронзали тонкую теле-техническую скорлупку.

— Таня, к тебе пришли! — мой прожоратый «смотрел» на единственно свободный стул.

— А Таня уже ушла, — из-за станка, не пряча своих беспомощных глаз, поднялась легкая девушка.

— Но ведь... до конца смены... еще два часа...
— А она выполнила норму и ушла. Вернее — перевыполнила...
— А норма... это сколько?

* ВОС — Всероссийское общество слепых.

Зам. редактора О. П. БАСНИН.